

Завещание Паустовского

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

«Время больших ожиданий»,
«Повесть о жизни», Нижний Новгород,
ДЕКОМ, 2002

Справедливость в России почти всегда торжествует. Но, как правило, полвека спустя. Новый двухтомник Паустовского со вступлением и примечаниями его сына Вадима стал бы грандиозным и оздоравливающим культурным событием лет 30 назад. Сегодня это издание, конечно же, заполняет пустую лагуну и лагает брешь. Но люди на время утратили интерес ко всему, что происходило в Советском Союзе до последнего дефолта. Психологический шок привел к контузии памяти, при которой людей перестало интересовать все, что произошло в стране после расстрела царской семьи. Люди не хотят ничего знать, потому что не сомневаются — их обманут.

Недоверие к интеллигенции, а Паустовский несомненно одно из самых ярких и полных воплощений интеллигентности, переросло сегодня в чувство, похожее на ненависть. Можно, конечно, возлагать надежды на последефолтовое поколение, но бо-

Новые Известия — 2002 — 9 июля — С. 7

юсь, что они выйдут на арену истории с полным комплектом предрассудков и заблуждений своих отцов. На этом общем неутешительном фоне выход двухтомника Константина Паустовского — явление более чем отрадное. Как говорил Козьма Прутков, на вопрос, что важнее — луна или солнце, ответь: луна, поскольку луна светит ночью, а солнце днем, когда и так светло. «Лунный» двухтомник очень многое проясняет. Рушится миф о писателе-небожителе, певце природы, далеком от политических бурь, чуть ли не облаканном советской властью. «Ласка» властей сопровождала писателя до последнего вздоха. Только выпустил сборник «Тарусские страницы», как тотчас выходит постановление ЦК КПСС об идеологических ошибках издания. Написал «Время больших ожиданий» — вызван на ковер к союзписательскому начальству. Проработки не проходили бесследно. Целый букет инфарктов и, конечно же, заботливое лечение в спецбольнице 4-го управления. Политика кнута и пряника была предельно проста. Власть наносила удары, а потом раные заботливо врачевали придворные лейб-медики.

Паустовский, несмотря на тяжелейший недуг, пишет письмо в ЦК, требуя назначить

повторную экспертизу по произведениям Синявского и Даниэля. В другом письме он требует прекратить недостойные попытки реабилитации чудовищных деяний Сталина. Это письмо хоть сейчас можно переадресовать Путину. Ничто, к сожалению, не устарело, не утратило актуальности. Уже из больницы Паустовский звонит Косыгину, наивно полагая, что тот может прекратить травлю Театра на Таганке во главе с Юрием Любимовым. После смерти в рабочем столе писателя найдено его завещание: «Мы жили на этой земле. Не отдавайте ее в руки опустошителей, пошляков и невежд». Отдали.

Лакмусовой бумажкой порядочности в России всегда был и будет пресловутый «еврейский вопрос». Паустовский по происхождению был поляком и украинцем. Антисемитизм он ненавидел люто и любил приводить высказывание Черчилля: «Почему в Англии нет антисемитизма? Потому что мы не считаем себя хуже евреев».

Книги «Время больших ожиданий» и «Бросок на юг» вызвали ненависть антисемитствующего Хрущева. Еще бы, после мемуаров Ильи Эренбурга впервые открыто говорилось о репрессированном Бабеле. Восстанавливались в памяти десятки забы-

тых и полузабытых литературных имен. Даже относительно смелый и относительно порядочный Твардовский направил Паустовскому высокомерное письмо с отказом печатать главу о Бабеле. Правда, победил Паустовский. Строки о Бабеле были напечатаны и вызвали зоологическую ненависть власти. За «Повесть о жизни» Паустовскому хотели дать Нобелевскую премию. Мировая пресса была уверена, что утром мир узнает еще об одном русском лауреате. Но тогдашний комитет основательно струсил под нажимом Советов. Истерика, разразившаяся после присуждения Нобелевской премии Пастернаку, привела к серьезным политическим осложнениям и усилению «холодной войны» со стороны СССР. На комитет надавили, и премия досталась другому.

Возмущение творческой интеллигенции не знало предела. На Паустовского посыпался град почетных премий и титулов от самых уважаемых университетов. Но все же Кремль мог торжествовать и торжествовал свою очередную гнусенькую идеологическую победу. Как и все крупные интеллигенты, Паустовский был учеником Льва Толстого и в эстетике, и в методах политической ненасильственной борьбы за порядоч-

Константин
ПАУСТОВСКИЙ

I

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ
ОЖИДАНИЙ

ность и свободу. Он уступал в тех случаях, когда противодействие не могло быть эффективным, и не упускал ни одной возможности напомнить обществу о существовании другой, несоветской цивилизации, варварски разрушенной в 1917 году. Последние слова его завещания: «Мы — потомки Пушкина, и с нас за это спросится». Сегодня я бы перефразировал это высказывание: мы — потомки Паустовского, и с нас за это спросится.